

Я помню Нас

Р О М А Н

Лидия Варфоломеева

Я помню нас

«Автор»

2026

Варфоломеева Л.

Я помню нас / Л. Варфоломеева — «Автор», 2026

В тридцать лет у Ани есть любимый муж, близкие подруги и собственный книжный магазин. Она любит свою жизнь. Но однажды утром Аня просыпается в старой квартире рядом с мужчиной, который когда-то разбил ей сердце. Ей снова двадцать. А следующие десять лет словно приснились. Пока первая любовь строит планы на их будущее, Аня ищет дорогу к людям, по которым отчаянно скучает. Она собирается заново познакомиться с подругами, встретить мужа раньше его первой жены и открыть книжный магазин, избежав прежних ошибок. Ждать десять лет она не готова. Как объяснить человеку, который впервые тебя видит, что ты уже много лет его любишь?

© Варфоломеева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лидия Варфоломеева

Я помню нас

Глава 1

До завтра

— А что бы вы подарили девушке лет тридцати?

Я подняла глаза от накладной.

Перед кассой стоял мужчина лет пятидесяти. В одной руке у него был сложенный зонт, с которого медленно капало на пол, в другой — две книги.

— Смотря какой девушке.

— Моей дочери.

— А она что любит?

Мужчина задумался.

— Вот в этом проблема. Я не знаю.

Я улыбнулась.

— Тогда давайте по порядку. Она вообще читает?

— Читает. Но я всё время покупаю ей что-нибудь не то.

Он положил книги на стойку.

Одна была про французскую кухню, вторая — толстый семейный роман страниц на восемьсот.

— Это вы выбрали?

— Да.

— А она любит готовить?

— Я не уверен.

— Тогда первую точно убираем.

Я вышла из-за кассы.

До закрытия оставалось минут сорок. В магазине почти никого не было. Дождь шёл с самого утра. Люди забежали погреться, бродили между полками, листали книги и не торопились обратно на улицу.

— Она после работы приходит и говорит, что голова вообще ничего не соображает, — продолжил мужчина. — Поэтому хочется что-то такое... несложное.

— Весёлое?

— Можно.

— Про любовь?

Он поморщился.

— Лучше не надо. Она недавно рассталась с кем-то. Я туда не лезу.

— Правильно делаете.

— Я тоже так считаю.

Мы прошли к полке с современной прозой.

— А путешествия любит?

— Очень.

— Животных?

— У неё две собаки.

— Тогда подождите.

Я достала книгу «Моя семья и другие звери».

— Вот эту посмотрите.

Он взял книгу.

— Вы читали?

— Несколько раз.

— Хорошая?

— Хорошая.

— Вам сколько лет?

Вопрос был такой неожиданный, что я рассмеялась.

— Тридцать.

— Вот. Отлично. Значит, беру. Моей дочери тоже тридцать.

— А если мы с вашей дочерью совсем разные?

— Поздно. Я уже решил.

Он пошёл к кассе, а я вернула остальные книги на место.

Когда вернулась, мужчина листал книгу и разглядывал картинки.

— Можно ещё открытку?

— Конечно.

Я показала стойку возле кассы.

Он выбрал самую простую, без цветов и поздравлений, и попросил ручку.

Пока он писал, я снова открыла накладную. Из сорока заказанных книг приехали тридцать восемь. Зато две положили вообще не мои.

Я сверила номера ещё раз. Нет. Точно чужие.

Пять лет назад я бы, наверное, решила их оставить. Они были красивые, одна мне даже понравилась. Потом полгода переставляла бы их с полки на полку и убеждала себя, что вот-вот кто-нибудь купит.

Сейчас я просто сфотографировала обе и написала поставщику. За пять лет книжный магазин многому меня научил. В основном тому, что одной любви к книгам для книжного магазина недостаточно.

Мужчина протянул мне подписанную открытку. Я упаковала книгу в бумагу и положила открытку внутрь. Он расплатился и ушёл.

Я вернулась к накладной.

И тут возле окна что-то капнуло. Потом ещё раз.

Кап.

Я повернула голову. На подоконнике блестела вода.

— Только не сегодня.

Подошла ближе. Из угла рамы медленно собиралась новая капля.

Миша предупреждал. Ещё летом сказал, что окно надо нормально загерметизировать. Я тогда ответила: «Конечно». Потом был август. Потом поставки. Потом книжный клуб. Потом я просто забыла.

Я быстро сняла с нижней полки книги и отнесла их на стол. В подсобке нашлось старое полотенце. Я свернула его и положила на подоконник. Достала телефон и сфотографировала окно.

«Оно потекло».

Миша ответил почти сразу.

«Какое?»

«В магазине».

Через несколько секунд:

«То самое?»

Я посмотрела на мокрое полотенце.

«То самое».

Появились три точки.

«Я же говорил».

Я уже начала писать: «Только не начинай», но сообщение исчезло.

Вместо него пришло другое:

«Заеду после работы».

Я улыбнулась.

«Спасибо».

Вдохнула и села за кассу. В ноябре магазину «На полях» исполнялось пять лет. Иногда мне до сих пор казалось странным, что он вообще существует. Что я однажды придумала открыть книжный магазин — и открыла.

Первые месяцы я практически жила здесь. Сама принимала книги. Сама фотографировала их для соцсетей. Сама клеила ценники, мыла полы, таскала коробки и сидела за кассой. Бывало, за целый день заходили три человека.

Я помню вечер, когда мы не продали вообще ничего. Я закрыла магазин, села прямо на пол за кассой и минут двадцать смотрела в стену.

А на следующий день пришла женщина и купила сразу семь книг. Так примерно всё и работало.

Сейчас стало легче. У меня появилась Нина, которая могла открыть магазин вместо меня. Постоянные покупатели. Книжный клуб. Встречи. Небольшой интернет-магазин. Я наконец перестала приезжать сюда каждый день.

Ну, почти перестала.

Телефон завибрировал.

На экране появилось имя Леры.

«Ты ещё в магазине?»

«Да».

Ответ пришёл сразу.

«Мы с Соней сейчас приедем. У нас вино и торт».

Кажется накладную я сегодня уже не закончу.

Глава 2

Лера и Соня приехали минут через пятнадцать.

Я увидела их через окно ещё до того, как они открыли дверь. Соня пыталась сложить зонт, Лера держала над головой бумажный пакет и что-то ей говорила. Потом порыв ветра вывернул зонт в другую сторону, и обе остановились прямо посреди тротуара.

Я пошла открывать.

— Быстрее заходите.

Вместе с ними в магазин ворвался холодный воздух.

— Ужас там, — сказала Соня, стряхивая капли с рукава.

Лера сняла пальто и огляделась.

— Ты одна?

— Уже да.

— Отлично.

Из пакета она достала бутылку вина.

Соня поставила рядом коробку с тортом.

— Что отмечаем? — спросила я.

Лера посмотрела на меня.

— Ничего.

Только теперь я заметила, что выглядит она не очень. Утром в нашем общем чате была фотография Леры в лифте: новая рубашка, волосы уложены, серьги, которые она обычно надевала только на важные встречи.

Я тогда отправила ей сердечко. Соня — корону.

Сейчас волосы были собраны в хвост, а помада стёрта.

Я перевернула табличку на двери на «Закрыто».

Лера села за большой стол в центре магазина. Соня пошла в подсобку за чашками.

— Бокалов у тебя всё ещё нет? — крикнула она оттуда.

— А зачем мне бокалы в книжном магазине?

— Мы каждый раз задаём тебе этот вопрос.

— И каждый раз вы всё равно пьёте из кружек.

Соня вернулась с тремя разными чашками.

Одну мне когда-то подарил покупатель. На ней было написано: «Ещё одну главу — и спать». Вторая была обычная белая. Третья — с новогодними ёлками, хотя был сентябрь.

Лера молча открывала вино. Я села напротив неё.

— Всё плохо?

Она налила себе совсем немного.

— Не знаю.

Лера вздохнула.

Последние несколько месяцев она практически жила на работе. В компании открывали новое направление, и большую часть подготовки почему-то постепенно отдали ей. Она собирала команду, считала бюджеты, составляла планы и регулярно отвечала на сообщения после одиннадцати вечера.

Мы все были уверены, что сегодня ей предложат возглавить новый отдел. Она тоже была уверена.

— Предложили выполнять обязанности руководителя, — сказала Лера.

— А должность?

— Нет.

— Деньги?

— Пока тоже нет.

Соня перестала резать торт.

— В смысле?

— В прямом. Сначала я должна показать, как справлюсь. А потом они вернутся к вопросу.

— Ты и так три месяца показываешь, — сказала я.

— Вот и я примерно это сказала.

Мы помолчали.

Лера отпила вина и поставила чашку на стол. Я подвинула к ней тарелку с тортом.

— Ешь.

— Спасибо за психологическую помощь.

Она взяла вилку и несколько минут мы просто ели.

Лера постепенно начала рассказывать всё с самого начала. Кто сидел на встрече, что ей сказали, что ответила она. Иногда останавливалась и возвращалась назад, потому что вспоминала ещё какую-то деталь.

Мы с Лерой познакомились семь лет назад. Мне тогда было двадцать три.

После тяжёлого расставания я долго не могла привыкнуть к тому, что теперь всё нужно делать одной. Не в смысле сходить в магазин или приготовить себе ужин. С этим как раз проблем не было. Сложнее оказалось заполнять вечера и выходные, которые раньше уже как будто кому-то принадлежали.

Первое время я вообще почти никуда не ходила. А потом решила, что так больше нельзя. Начала искать мероприятия в городе. Ходила на лекции, мастер-классы, какие-то встречи, пару раз даже записывалась туда, куда мне совсем не хотелось, просто чтобы не сидеть дома.

Так я и попала в книжный клуб. Он собирался два раза в месяц в небольшой кофейне. Человек десять сидели за длинным столом, пили кофе и обсуждали книгу, которую должны были прочитать заранее.

Леру я заметила почти сразу. Не потому, что она мне понравилась. Наоборот. Она была слишком громкой. Громко смеялась, перебивала, спорила с ведущей и, кажется, вообще не сомневалась, что всем вокруг интересно её мнение.

Через сорок минут я уже точно знала, что дружить с ней не буду. После встречи Лера подошла ко мне первой.

— Ты новенькая?

— Да.

— Я так и поняла. Ты почти всё время молчала.

Мне почему-то это не понравилось ещё больше.

— Я слушала.

— А книга тебе понравилась?

И вместо того чтобы попрощаться и уйти, я зачем-то начала отвечать. Мы проговорили возле кофейни ещё минут двадцать. На следующую встречу Лера пришла раньше меня и оставила место рядом с собой. Потом мы начали пить кофе после книжного клуба. Потом встречаться и без него.

Она могла написать вечером: «Ты дома?» — и через полчаса уже сидеть у меня на кухне. Я познакомилась с её родителями, сестрой, потом со всеми остальными родственниками, которых у Леры оказалось столько, что первое время я постоянно путалась.

А несколько лет спустя она позвонила мне и спросила, соглашусь ли я стать крёстной её сына. Я тогда переспросила два раза. Не потому, что не хотела.

Просто вдруг вспомнила нашу первую встречу и ту уверенность, с которой решила: **нет, с этой девушкой мы точно не подружимся.**

Сейчас её сын называл меня мамой Аней, а в моём телефоне больше его фотографий, чем моих собственных.

С Соней всё получилось ещё случайнее.

Мы познакомились в аэропорту через два года.

Наш рейс задержали, у меня почти сел телефон, а единственная розетка возле моего кресла не работала. У Сони был удлинитель.

Она до сих пор утверждает, что возить с собой удлинитель в ручной клади совершенно нормально. А я до сих пор считаю, что нет.

Иногда я думала о том, как странно всё складывается.

Ты живёшь больше двадцати лет и понятия не имеешь, что где-то совсем рядом существуют люди, которые однажды станут твоей семьёй.

Одна будет звонить тебе ночью, потому что ей плохо. Вторая будет знать по одному сообщению, что у тебя что-то случилось.

Ты станешь крёстной чужого ребёнка, будешь отмечать с ними дни рождения, ездить в поездки, ссориться, мириться, сидеть до ночи на кухне.

— Ты опять задумалась, — сказала Лера.

Я подняла глаза.

— Немного.

— Я тут вообще-то драму своей жизни рассказываю.

— Я слушаю.

— Что я последней сказала?

Я на секунду задумалась.

— Что до понедельника им ничего не ответишь.

— Ладно. Слушаешь.

Она уже немного успокоилась. Соня отрезала ей ещё кусок.

Я посмотрела на неё.

— Ты хочешь там остаться?

— Не знаю. Я пять лет там. Мне жалко уходить.

— Это не причина оставаться.

— Знаю.

Мы больше не стали её убеждать.

За семь лет я поняла про Леру одну вещь: если слишком активно объяснять ей, как правильно поступить, она обязательно начнёт защищать противоположное решение. Даже если сама с ним не согласна. Поэтому мы ели торт и говорили уже о другом.

Через какое-то время Соня вдруг сказала:

— У меня тоже новость.

Лера сразу повернулась к ней.

— Хорошая?

— Я заявку отправила.

Мне понадобилась секунда.

— На выставку?

Соня кивнула.

— Сегодня утром.

— И молчала?

— Я собиралась сказать.

Соня фотографировала столько, сколько я её знала. Сначала просто для себя. Потом появились заказы, съёмки, постоянные клиенты. Но была у неё одна серия — фотографии города и людей, которую она делала только потому, что ей самой хотелось.

Три года мы слышали про выставку. Три года Соня находила причину не отправлять заявку.

То фотографий мало, то серия ещё не готова, то описание ей не нравится.

— И когда результаты? — спросила я.

— Через две недели.

Лера встала и обняла её.

Соня сразу смутилась.

— Только не надо заранее радоваться.

— Я радуюсь не тому, что тебя взяли. Я радуюсь, что ты наконец это сделала.

Соня улыбнулась. Я тоже подошла к ней.

— Я тоже очень рада за тебя.

Она обняла нас обеих.

Через полчаса на столе уже лежали телефоны, тарелки, салфетки и какой-то старый блокнот, в котором Соня рисовала, как хочет развесить фотографии, если её всё-таки возьмут.

Я предложила устроить маленькую выставку у меня.

— Вот эту стену можно освободить.

Соня посмотрела туда.

— А часы?

Я тоже посмотрела на часы. Они висели немного криво и были здесь с самого открытия.

— Снимем.

— Ты пять лет собираешься их перевесить.

— Вот и будет повод.

Лера листала фотографии в телефоне.

— Смотрите, что нашла.

Она повернула экран к нам.

На фотографии мы троём сидели на полу какого-то гостиничного номера. Соня была в халате. Я держала в руках пластиковый стакан. У Леры на голове было полотенце.

— Это Казань? — спросила я.

— Да.

Я взяла телефон и пролистала дальше. Следующая фотография была уже нормальная. Мы стояли на набережной, обнявшись.

— Боже, у меня здесь волосы какие-то...

— Нормальные у тебя волосы, — сказала Соня.

— Началось, — Лера забрала телефон.

Мне стало тепло.

Иногда мы могли не видеться две недели. Иногда каждая была занята своими делами. У Леры работа, у Сони съёмки, у меня магазин. Но стоило нам оказаться за одним столом и можно было продолжать разговор, который оборвался неделю назад.

В дверь постучали. Я посмотрела на часы, почти восемь. За стеклом стоял Миша. Я пошла открывать.

Он вошёл, стряхнул воду с капюшона.

— Привет.

— Привет.

Я поцеловала его. Куртка у него была холодная и мокрая. В одной руке он держал пакет из хозяйственного магазина.

Лера позвала его из зала:

— Миша, у нас кризис.

— Опять?

— У меня.

Он прошёл к столу. Я задержалась возле двери и несколько секунд смотрела ему вслед.

Миша был выше меня почти на голову. Сегодня он был в тёмном свитере, который я подарила ему прошлой зимой. Волосы промокли и немного завились у висков.

Я закрыла дверь на замок и пошла за ним. Через десять минут он уже знал всё про работу Леры. Он не давал советов. Только пару раз что-то уточнил. Потом поздравил Соню.

— Ты ведь давно собиралась отправить?

— Все помнят, да?

— Трудно забыть. Аня говорила про это десятки раз.

Мне нравилось, что он давно стал частью нашей компании.

Не «мужем Ани», которого нужно приглашать отдельно.

Лера могла написать ему, если у неё опять что-нибудь происходило с машиной. Соня однажды просила помочь перевезти фон для съёмки. Миша иногда жаловался им на меня, и они почему-то всегда вставали на его сторону.

Он доел оставшийся торт и пошёл смотреть окно. Я встала рядом.

Миша провёл пальцами по раме.

— Снаружи надо смотреть. Но не сегодня. Слишком сильно льёт. Сегодня максимум полотенце поменяем.

— Я это уже умею.

Он улыбнулся.

— Вижу.

Из пакета он достал герметик и какие-то инструменты.

— Завтра приеду днём. Если подсохнет, попробую сделать.

Я кивнула.

— Спасибо.

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Ты забыла?

Я сразу поняла, о чём он и закрыла глаза.

— Миш.

— Забыла.

— Совсем.

Мы собирались сегодня поужинать вдвоём. Он ещё несколько дней назад забронировал столик в маленьком итальянском ресторане, куда мы давно хотели сходить.

Я действительно забыла. Сначала поставка, потом окно, потом девочки.

— Прости.

— Ничего.

Но по его лицу было видно, что он расстроился.

— Давай завтра.

— Завтра у меня встреча до семи.

— После встречи.

Он немного подумал.

— Хорошо

— Я сама забронирую.

Я прижалась к его плечу. Он обнял меня одной рукой.

— Всё, — сказал тихо. — Не переживай.

Лера с Соней начали собираться около девяти. Мы стояли возле двери и договаривались насчёт выходных.

— В воскресенье? — спросила Соня.

— После трёх могу, — сказала я. — Мы к родителям до этого.

Лера надела пальто.

— Я в воскресенье, возможно, буду принимать судьбоносное решение.

— Принимай с нами, — сказала Соня.

— Хорошо.

Они ушли.

Я посмотрела через окно, как они перебегают к машине такси под одним зонтом.

Потом закрыла дверь. В магазине стало очень тихо.

Миша собирал со стола чашки.

— Не надо, я завтра уберу.

— Две минуты.

Я начала складывать тарелки.

— Как у тебя день? — спросила я.

Он начал рассказывать про встречу с заказчиком. Я не всегда понимала детали его работы. Особенно когда он начинал говорить быстро и использовать слова, совершенно непонятные мне.

Но я слушала и смотрела на его руки.

На безымянном пальце было кольцо. Простое, гладкое. Когда мы выбирали кольца, Миша сказал, что ему всё равно какое, лишь бы не мешало. Потом первые две недели постоянно его трогал.

Сейчас, кажется, вообще не замечал.

Мы закрыли магазин около половины десятого. В машине было тепло. Миша включил печку сильнее, потому что я замёрзла. По радио тихо играла музыка.

Мы ехали домой. Мне нравились такие моменты. Поздний вечер, машина, муж рядом.

— Ты посмотрел отель? — спросила я.

— Какой?

Я повернулась к нему.

— Миша.

Он улыбнулся.

— Посмотрел.

Через две недели мы летели в Стамбул.

Я хотела туда давно. Миша уже был один раз по работе и теперь каждый раз говорил, что ничего толком не видел, потому что жил между гостиницей и офисом.

— И?

— Первый мне нравится больше.

— Мне тоже.

— Тогда его?

— Давай.

— Завтра бронируем.

Он повернул к нашему дому. Я смотрела в окно и представляла поездку.

У меня в телефоне уже была отдельная папка с сохранёнными кафе, книжными магазинами и улицами, которые хотелось увидеть. Половину мы наверняка не успеем.

Так всегда было. Я составляла огромный список, а Миша говорил, что отпуск — это не соревнование.

Потом мы всё равно ходили по двадцать тысяч шагов в день.

Дома я сразу переоделась. Миша пошёл в душ.

Я открыла холодильник и увидела контейнер, который нужно было вернуть маме.

Точно. Она ведь писала мне сегодня.

Я взяла телефон.

«В воскресенье приедем. Контейнер привезу».

Ответ пришёл через минуту.

«К двум».

Миша вышел с мокрыми волосами.

— Чай?

— Давай.

Мы устроились на кухне.

Я открыла ноутбук и начала смотреть гостиницы. На самом деле выбор мы почти сделали ещё вчера, но мне нужно было проверить отзывы ещё раз. И фотографии, и соседнюю улицу, и расстояние до остановки.

Миша сел рядом. Мы листали фотографии. И ещё долго сидели на кухне.

Обсуждали воскресенье. Что надо наконец поменять полку в прихожей. Я рассказывала новости из магазина.

Перед сном я долго выбирала книгу. У меня дома их было слишком много. На полках, подоконнике, тумбочке.

Миша уже лежал в кровати.

— Ты сегодня читать будешь или только выбирать?

— Уже иду.

Я легла рядом.

Он что-то смотрел в телефоне, а я открыла книгу. За окном шумел дождь.

Когда мне было двадцать, я совсем иначе представляла любовь. Мне казалось, она должна быть такой, чтобы всё время что-то происходило. Чтобы человек уходил — и ты не могла есть. Возвращался — и тебе снова было чем дышать.

Я долго путала любовь с этим ощущением. Наверное, потому что другой ещё не знала.

Мою первую любовь звали Кирилл. И когда он ушёл, я правда думала, что больше никогда никого так не полюблю.

Мне было смешно вспоминать это сейчас.

В двадцать лет я почему-то решила, что если любовь не разрывает тебя на части, значит, она недостаточно сильная.

С Мишей всё было иначе. Не сразу. Мы не сходили с ума друг по другу через неделю после знакомства. Я даже после второго свидания не была уверена, что будет третье.

Но потом было четвёртое, пятое. Через несколько месяцев я оставила у него дома свою зубную щётку. Ещё позже поняла, что звоню ему первым, когда происходит что-то хорошее.

А однажды заболела и проснулась у него на диване под одеялом. На столе стояла кружка чая, а сам Миша сидел на полу с ноутбуком, потому что боялся меня разбудить.

Я тогда смотрела на него и впервые подумала: **Вот бы так всегда.**

Я отложила книгу.

Миша сразу посмотрел на меня.

— Что?

Я придвинулась ближе.

— Обними меня.

Он положил телефон на тумбочку и обнял меня.

— Всё нормально?

— Да.

— Точно?

— Точно.

Я положила голову ему на грудь. Он провёл рукой по моим волосам.

Я прикрыла глаза.

— Миш.

— М-м?

— Я тебя люблю.

Его рука сильнее прижала меня к себе.

— Я тебя тоже.

Последнее, о чём успела подумать, — что завтра надо обязательно заказать в магазин ещё один экземпляр «Моей семьи и других зверей».

А потом провалилась в сон.

Меня разбудил странный звук. Что-то коротко дребезжало, а потом стихло.

Я лежала с закрытыми глазами. Миша рядом не двигался.

Через несколько секунд звук повторился. Я нахмурилась.

Как будто холодильник. Только наш холодильник так не шумел. Неужели сломался. Мы не так давно его покупали.

Я открыла глаза.

Несколько секунд смотрела перед собой и не понимала, что не так.

Потом поняла.

Шторы. Они были жёлтые. У нас дома не было жёлтых штор.

Я резко села.

Комната тоже была не наша. Маленькая, но знакомая. Слишком знакомая.

У стены стоял старый стол. На стуле лежала моя тёмно-синяя кофта. Возле окна висели те самые жёлтые шторы, и внизу на одной из них темнело маленькое пятно от утюга.

Я помнила это пятно.

У меня похолодели руки.

Нет.

Я медленно повернула голову.

На соседней подушке спал Кирилл.

Глава 3

На соседней подушке спал Кирилл.

Я смотрела на него и не могла пошевелиться. Сначала мне показалось, что я всё ещё сплю.

Ещё секунду назад рядом был Миша. Я помнила его руку у себя на спине. Помнила, как перед сном сказала, что люблю его. Помнила дождь за окном, книгу на тумбочке, разговор про Стамбул.

А теперь передо мной лежал Кирилл. Я закрыла глаза. Сейчас открою — и всё вернётся. Наша спальня, светлые шторы, Мишина футболка на стуле, хотя я сто раз просила убирать её в шкаф, мой телефон на зарядке.

Я открыла глаза. Жёлтые шторы никуда не делись. Кирилл тоже.

Он лежал на боку, отвернувшись от меня. Одна рука была под подушкой. Волосы на затылке торчали в разные стороны.

Я знала, что если он сейчас повернётся, на правой щеке останется след от подушки.

Господи.

Я знала это. Я знала эту комнату. Этот шкаф с плохо закрывающейся дверцей, тёмное пятно возле батареи, Старый письменный стол вместо обеденного на кухне.

Я резко села. Одеяло сползло с груди. На мне была старая серая футболка. Раньше я носила её дома. Очень давно. Настолько давно, что вообще забыла о её существовании.

Я посмотрела на свои руки. На левом безымянном пальце ничего не было. Мишиного кольца не было. Я провела пальцем по коже, будто оно могло стать невидимым.

— Нет.

Я сказала это вслух.

Кирилл пошевелился.

Я замерла. Он что-то пробормотал, потянул на себя одеяло и снова затих. У меня начало сильно биться сердце.

Нужно было встать.

Я опустила ноги на пол, поднялась и едва не наступила на свои джинсы, брошенные возле кровати.

Подняла их и посмотрела. Это действительно были мои джинсы. Те самые, которые я носила почти каждый день. Размер был меньше, чем я ношу сейчас.

Я положила джинсы на стул. На столе должен быть телефон. Я знала, где он лежит, ещё до того, как посмотрела.

Я подошла. Телефон был старый и маленький. Я давно таких не держала в руках.

Несколько секунд просто смотрела на него. Потом взяла. Экран загорелся.

Дата.

Я прочитала один раз. Потом ещё. Число совпадало. Месяц тоже. Только год был другим.

На десять лет раньше.

Я почувствовала, как внутри всё провалилось. Нет. Я нажала кнопку блокировки. Снова включила экран. Год не изменился.

Я выключила телефон. Включила снова.

Пальцы дрожали. На экране появилось то же самое. Десять лет назад.

Я быстро открыла браузер. Интернет грузился медленно. Я начала злиться на него, как будто дело было в этом. Наконец открылась страница. Новости. Дата сверху. Тот же год.

Я открыла другой сайт. Потом ещё один. Везде одно и то же. Десять лет назад.

У меня за спиной скрипнула кровать.

— Ань?

Я резко повернулась.

Кирилл смотрел на меня.
Молодой. Тот Кирилл, которого я когда-то любила.
Ему было двадцать пять.
Он приподнялся на локте.
— Ты чего?
Я смотрела на него и не знала, что ответить.
— Какой час? — спросила я.
Он потянулся к телефону.
— Без десяти восемь.
Мне это ничего не давало.
— А какое сегодня число?
Кирилл нахмурился.
— Ты серьёзно?
— Скажи.
Он назвал. То же самое.
— А год?
Теперь он окончательно проснулся.
— Что?
— Какой сейчас год?
— Ань, ты чего?
— Просто скажи.

Он назвал год. Я отвернулась, всё внутри будто сжалось. Услышать это вслух оказалось хуже.

— Тебе плохо?
— Нет.
— Ты какая-то белая.
Я пошла к двери.
— Я в ванную.
— Ань...

Я закрыла дверь раньше, чем он успел что-то ещё сказать, повернула защёлку и только тогда выдохнула.

В ванной горел слишком яркий свет. Здесь тоже ничего не изменилось: полка над раковиной, бритва Кирилла, мои резинки для волос, зелёное полотенце, которое плохо впитывало воду.

Я медленно подняла глаза на зеркало и замерла.

На меня смотрела я, но не та, к которой я привыкла за последние годы. Волосы были светлые и длиннее, лицо немного круглее, никаких мелких морщинок возле глаз.

Я подошла ближе, коснулась щеки. Кожа была гладкой. Повернула голову, мне было двадцать.

Я видела себя такой, какой была десять лет назад.

— Нет...

Голос задрожал. Я открыла холодную воду и умылась. Вода стекала по подбородку на футболку.

Я подняла голову. Двадцать. Ущипнула себя за руку.

Больно. Ещё раз. Больно.

— Проснись.

Я сказала это своему отражению.

— Давай. Проснись.

Ничего. Я закрыла глаза и несколько секунд просто стояла, держась руками за раковину. Перед глазами почему-то появился вчерашний вечер. Миша сидит на кухне, мокрые после душа волосы, ноутбук между нами, фотография отеля.

«Этот?»

«Этот».

Потом кровать, Его грудь под моей щекой.

Я сказала:

«Я тебя люблю».

Он ответил:

«Я тебя тоже».

Это было несколько часов назад. У меня вырвался какой-то странный звук. Я зажала рот рукой.

Миша. Мне нужен был Миша.

Я распахнула дверь и вернулась в комнату, Кирилл уже сидел на кровати.

— Что происходит?

Я не ответила, взяла телефон и открыла контакты, начала листать.

Мама, папа, Кирилл, девочки из университета, несколько номеров без фамилий, парикмахер.

Я листала всё быстрее. Миши не было.

Конечно. Откуда ему здесь взяться?

Я вернулась в начало списка, проверила ещё раз.

Нет.

Открыла поиск, написала его имя.

Ничего.

Имя и фамилию.

Ничего.

— Кого ты ищешь? — спросил Кирилл.

Я даже не посмотрела на него.

— Никого.

— Ты сейчас реально меня пугаешь.

— Мне нужно немного побыть одной.

Он молчал. Я чувствовала его взгляд. Потом услышала, как он встал.

— У тебя сегодня занятия.

Занятия.

Я посмотрела на него, несколько секунд не понимала, о чём он.

Потом вспомнила. Университет. Я училась, у меня были пары, зачёты, какая-то курсовая, которую я бесконечно откладывала. Всё это когда-то занимало огромную часть моей жизни.

— Я не пойду.

— Ты заболела?

— Наверное.

Кирилл подошёл ближе, хотел коснуться моего лба.

Я отступила. Его рука остановилась.

— Мы вчера поругались?

— Нет.

— Тогда что?

Я смотрела на него. Он правда ничего не понимал.

И вдруг мне стало его жалко. Этот Кирилл ещё ничего мне не сделал. Он ещё не ушёл. Не сказал, что больше не хочет быть со мной. Не заставил меня месяцами просыпаться и первым

делом проверять телефон. Он просто лёг спать со своей девушкой, а утром она проснулась и смотрела на него как на чужого.

— Мне очень странный сон приснился, — сказала я.

Кирилл немного расслабился.

— Из-за сна ты спрашиваешь, какой сейчас год?

— Он был очень настоящий.

— Что там было?

Я опустила глаза. Вся моя жизнь.

— Не помню.

Я соврала. Кирилл ещё немного постоял рядом, потом начал одеваться. Я была благодарна, что он перестал спрашивать.

Он ходил по комнате, собирал вещи, искал носки. Я сидела на краю кровати с телефоном в руках. В какой-то момент он подошёл и поцеловал меня в макушку. От этого привычного движения меня будто ударило.

Я помнила его, когда-то любила, долго ждала, что он вернётся.

А сейчас хотелось отодвинуться.

Закрылась входная дверь, он ушёл. Я осталась одна.

Тишина.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом на кухне снова задребезжал холодильник. Я закрыла лицо руками и заплакала.

До этого я всё ещё как будто держалась.

Я сидела на кровати в той квартире, которую не видела почти десять лет, и плакала так, что стало трудно дышать.

Мне хотелось домой. В нашу спальню, к своему мужу, к своим вещам, к тому холодильнику, который не дребезжал, к контейнеру мамы, к недопитому вину в холодильнике, к своей книге, к поездке, в которую мы собирались через две недели.

Я хотела, чтобы Миша сейчас открыл дверь, чтобы я могла уткнуться ему в плечо и рассказать этот ужасный сон. И чтобы он ответил, что это просто сон.

Вместо этого на столе лежал старый телефон. Я перестала плакать не потому, что успокоилась, просто устала.

Вытерла лицо футболкой, потом снова взяла телефон. Если Миши нет в моих контактах, это ещё ничего не значит. Мы ведь не были знакомы, конечно, его здесь не будет.

Но где-то он есть. Я открыла социальную сеть.

Поиск.

Ввела его имя и фамилию. Результатов оказалось много.

Добавила город. Стало меньше. Начала открывать страницы.

Первый — не он. Второй тоже. Третий.

И вот я сразу узнала его, даже по маленькой фотографии. У меня задрожали пальцы и я нажала.

Страница открылась. Миша. Молодой. Я никогда не видела его таким. Он стоял возле какой-то машины в тёмной куртке и смотрел в камеру. Лицо худее, другая стрижка, но глаза те же.

Я провела пальцем по экрану.

— Миш...

Слёзы снова пошли сами. Он существовал. Это было самое главное.

Я открывала фотографии одну за другой. Миша с друзьями, Миша летом на природе, Миша возле какого-то здания.

Фотографии были простые, иногда плохого качества. Мне хотелось смотреть на каждую. Я ведь не знала его тогда.

В моей памяти Миша начинался значительно позже. С нашего знакомства, где он уже не вёл социальные сети.

А здесь была его жизнь до меня. Он куда-то ездил, с кем-то встречался и понятия не имел, кто такая Аня.

Эта мысль ударила особенно больно. Я знала его запах, ж знала, как он спит, как злится, знала его родителей, его любимую еду, шрам на руке, знала, что он начинает перебирать пальцами по столу, когда нервничает. А он сейчас не знал даже моего имени.

Я открыла сообщения, курсор мигал в пустом поле.

Можно было написать.

«Привет».

Одно слово.

Я долго смотрела на экран, потом закрыла.

Что я скажу дальше? Привет, я твоя жена?

Привет, мы через несколько лет познакомимся?

Привет, вчера вечером ты спал рядом со мной, а сегодня понятия не имеешь, кто я?

Я положила телефон на кровать, Миша существовал и пока этого было достаточно.

Потом я вспомнила Леру, снова взяла телефон.

Ввела имя и фамилию.

Несколько страниц, но не она.

Я нахмурилась. И только через минуту поняла.

Фамилия.

Когда мы познакомились, у неё уже была другая фамилия.

Я знала её девичью. Конечно знала, мы сто раз обсуждали её документы после свадьбы.

Я ввела старую фамилию. И увидела её.

Сначала даже не узнала. Длинные волосы почти до пояса, яркая помада - фотография возле какого-то кафе.

Лера.

Я открыла страницу. Она была здесь. Жила в этом же городе. На три года младше той Леры, которую я встретила в книжном клубе.

Ещё не знала меня.

Я смотрела её фотографии. На многих были люди, которых я никогда не видела. Другие друзья.

На одной фотографии рядом с ней стоял мужчина, я не знала его. На другой Лера была с мамой. Её маму я узнала сразу и от этого зашипало в глазах. Я столько раз сидела у них дома, однажды встречала Новый год с их семьёй. А сейчас все эти люди тоже не знали меня.

Я пролистала страницу ниже и вдруг подумала о ребёнке. О своём крестнике. Руки остановились. Я начала искать фотографии.

Конечно, их не было. Его ещё не было. Я понимала это, но всё равно продолжала листать, будто где-нибудь среди фотографий должна была появиться знакомая маленькая макушка.

Я положила телефон и на этот раз не плакала. Просто сидела.

Мне снова захотелось домой, к ним всем.

Я вспомнила Соню, нашла её быстрее - фамилия не менялась.

Страница была открыта, на аватарке — Соня с фотоаппаратом.

Моложе, но точно узнаваемая Соня.

Я невольно улыбнулась, вспомнила тот аэропорт, свой разряженный телефон, Соню с удлинителем. До нашей встречи оставалось пять лет.

Пять.

Мне нужно было ждать пять лет, чтобы снова услышать:

«Тебе зарядка нужна?»

Три года до Леры.

Шесть — до Миши.

Нет.

Я отложила телефон.

Не хочу.

Я не хочу ждать. Не хочу прожить несколько лет без людей, которые уже стали моей семьёй.

Но следом пришёл другой страх. А если я вмешаюсь и всё пойдёт не так? Если познакомлюсь с Лерой раньше — и мы не станем подругами? Если Соня вообще не захочет со мной разговаривать? Если Миша встретит меня сейчас и я ему не понравлюсь?

Последняя мысль была самой страшной. Почему он должен меня полюбить? Только потому, что уже сделал это однажды?

Он сделал это в другой жизни, с другой мной, после других событий.

Может быть, важным было всё.

День, место, возраст, люди вокруг. Даже те неудачные свидания, на которые я ходила до него. Всё привело нас друг к другу.

А если я сейчас приду слишком рано?

Я снова открыла его страницу, он улыбался на фотографии. Я смотрела на человека, с которым прожила четыре года и впервые в жизни боялась с ним познакомиться.

Я встала, прошла на кухню. На столке стояла чашка, которую он не помыл. Я знала эту чашку. Синяя, со сколом возле ручки.

Я снова вспомнила **нашу** кухню. Совсем другую. Наши тарелки, Мишину чашку, контейнер мамы в холодильнике.

Я открыла холодильник.

На полке лежали яйца, молоко, сыр, открытая банка соуса.

Не было контейнера. Не было недопитой бутылки вина после Леры и Сони. Ничего из вчерашнего дня.

Я захлопнула дверцу. На маленькой тарелке возле окна лежало кольцо. Я сразу его увидела. Тонкое, с маленьким камнем. Кирилл подарил его мне несколько месяцев назад. Я вспоминала, как плакала от счастья, как фотографировала руку, как звонила маме.

Он сделал мне предложение, мы собирались пожениться.

Я взяла кольцо и покрутила между пальцами. Когда-то оно означало для меня будущее. Сейчас я знала, что этой свадьбы не будет.

Что однажды Кирилл уйдёт, и что я переживу это. Хотя тогда была уверена, что не переживу.

И что намного позже встречу человека, рядом с которым впервые пойму, что любовь может быть другой.

Я положила кольцо обратно, надевать его не стала.

Вернулась в комнату. На телефоне было сообщение от Кирилла.

«Как ты?»

Я долго смотрела.

Потом написала:

«Нормально. Просто хочу сегодня побыть дома».

Он ответил почти сразу:

«Хорошо».

И следом:

«Напиши, если что».

Я положила телефон экраном вниз. Кирилл не был плохим. От этого всё становилось только сложнее. Мне нельзя было ненавидеть его за то, чего он ещё не сделал. Но и жить так, будто я снова та Аня, которая собиралась за него замуж, я тоже не могла. Я больше не была ею.

Мне было тридцать, хоть отражение и говорило другое. Я знала десять лет, которых сейчас не существовало. Знала своих подруг, мужа, магазин. Знала, кем стала.

Сегодня мне нужно было хотя бы понять, как прожить этот день. Я легла обратно на кровать, телефон положила рядом. На экране оставалась открыта фотография Миши. Я смотрела на неё, пока экран не погас. А потом снова включила. Просто чтобы ещё раз убедиться, что он есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.